

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-10

Подход ФРГ к борьбе с сепаратизмом в конфликтогенных странах Ближнего Востока и Африки на примерах Ирака и Мали

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН), 117997,
ул. Кржижановского, д. 15, стр. 2, Москва, Российская Федерация
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2020) Подход ФРГ к борьбе с сепаратизмом в конфликтогенных странах Ближнего Востока и Африки на примерах Ирака и Мали // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 211–229. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-10

Статья поступила в редакцию 16.03.2020.

АННОТАЦИЯ. Развитие вооруженных конфликтов в современном мире ведет к хаотизации миропорядка на всех уровнях вплоть до глобального. Одним из проявлений этого вида угроз является усиление сепаратистских настроений, крайней формой которых выступают попытки сецессии. Как показывает практика, ее осуществление часто становится фактором долгосрочного подрыва региональной стабильности. Альтернативой сецессии в смысле снижения сепаратистских тенденций, т. е. компромиссного урегулирования конфликтов, является федерализация. При этом в случае большинства конфликтогенных стран она может быть осуществлена лишь при активной включенной поддержке внешних акторов. В данной связи в статье исследуется опыт ФРГ по поддержке процесса федерализации в Ираке и Мали как кейсах ближнево-

сточной и сахельской региональных подсистем в середине – второй половине 2010-х гг. Фокус сделан на использовании Германией военных и политико-дипломатических возможностей. Рассматриваются эволюция взаимоотношений ФРГ с властями иракского Курдистана и официальным Багдадом, в т. ч. после проведения 25 сентября 2017 г. референдума о независимости первого. Индикатором трансформации германской позиции избрано изменение характеристик предоставления военной помощи (в рамках борьбы с ИГ). Изучается подход ФРГ к урегулированию туарегского вопроса, особенности политико-дипломатического и военного участия Германии в федерализации в Мали. В выводах сопоставляются политико-военные тактики официального Берлина по противодействию сецессиям на иракском и малийском направлениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Германия, сепаратизм, сецессия, федерализация, Ирак, курдский вопрос, Мали, туарегская проблема*

В современном мире возрастает значение вооруженных конфликтов как одной из наиболее опасных и разрушительных по своим последствиям – не только военным, но прежде всего политическим и социально-экономическим – угроз международной безопасности. В 1990–2010-е гг. доминирующим был локальный тип данных вызовов. С точки зрения масштаба боевых действий и последствий их развития конкретно взятый локальный вооруженный конфликт существенно уступает региональному и тем более глобальному (мировой войне). Однако суммарно, параллельно развиваясь и вновь возникая на многих географических направлениях, локальные вооруженные конфликты представляют собой все более ощутимую угрозу уже на общемировом уровне. Следует подчеркнуть, что, в отличие от реалий «классической» холодной войны, их стало крайне сложно урегулировать, т. е. полностью восстановить мир и безопасность, устранив все ключевые причины, приведшие к вспышкам организованного насилия. Развитие локальных вооруженных конфликтов ведет к хаотизации системы международных отношений, что выражается в двух основных проявлениях. Одно из них – это географическо-функциональная роль конфликта как источника угроз нестабильности, проецируемых (разумеется, в весьма отличных объемах) на широкий круг международных игроков. Таковыми рисками прежде всего являются сложно контролируемое перемещение масс беженцев, а также распространение и укрепление потенциала структур международного терроризма. Второе проявление заключается в том, что

подавляющее большинство вооруженных конфликтов или приводят к сецессии, или создают частично реализованную угрозу таковой. Соответственно, это ведет к фрагментации международного политического ландшафта на региональном и глобальном уровне, т. е. возникновению де-факто, а иногда также и де-юре значительного числа новых государств, в основном малоспособных из-за ограниченности собственных ресурсов самостоятельно обеспечивать свою безопасность.

В подавляющем большинстве случаев процесс урегулирования локальных вооруженных конфликтов предусматривает два основных варианта определения политического статуса территорий, население которых стремилось к обособлению, что вызывало применение форм организованного насилия: это сецессия и федерализация. В реалиях постбиполярного миропорядка реализация любого из данных сценариев сопровождается прекращением боевых действий только в случае активного вмешательства внешних игроков. В этой связи интерес представляет пример Германии. Берлин использует свое участие в урегулировании вооруженных конфликтов – на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке – как средство обретения статуса глобально оперирующей державы. При этом ФРГ предпочитает прибегать к дипломатическим средствам в сочетании с небоевым использованием бундесвера.

Возникает логичный вопрос: в своей политике в области конфликтного урегулирования какой из двух вариантов (сецессия или федерализация) ФРГ рассматривала более предпочтительным? С точки зрения автора, при ответе на данный вопрос прослеживалась региональная и хронологическая зависимость.

Так, официальный Бонн/Берлин последовательно поддерживал выделение

в независимые государства бывших союзных республик Югославии (прежде всего Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии), а в случае Сербии – даже краев (Косово; т. е. субъектов административного уровня на ступень ниже). Еще одним направлением поддержки сецессий был северо-восток Африки – здесь ФРГ выступала в защиту отделения Эритреи (1993 г.) и Южного Судана (2011 г.), при этом стремилась, особенно с начала 2010-х гг., обеспечить возвращение под власть официального Могадшо Сомалиленда и Пунтленда. На других региональных направлениях германская сторона рассматривала урегулирование сквозь призму федерализации – на постсоветском пространстве (приднестровский, грузино-абхазский, грузино-югоосетинский и восточно-украинский вооруженные конфликты), а также на большинстве территорий Африки, Ближнего и Среднего Востока. Логичным исключением выступала лишь последовательная поддержка ФРГ превращения ПНА в Палестинское государство. Германская сторона выступала против попыток сецессий внутри стран-участниц евроатлантического сообщества, иллюстрацией чему, в частности, стала позиция официального Берлина по каталонскому вопросу в конце 2010-х гг. Хронологически подавляющее большинство эпизодов поддержки Германией обособления в самостоятельные субъекты склонных к сепаратизму территорий пришлось на начало 1990-х гг. (исключая Косово, где данная тенденция стала лапидарно проявляться с 1998–1999 гг., а также Южного Судана, в случае которого имел место широкий международный консенсус), а в дальнейшем официальный Берлин все более активно продвигал идею федерализации. Одна из причин тому – позиционирование Германии как продвинутой федерации.

Задача данной статьи – исследование усилий ФРГ по недопущению сецессии в Ираке и Мали в середине – второй половине 2010-х гг. Выбор этих двух государств не случаен: курдский вопрос и туарегская проблема являются отчасти латентными, но постоянными общими знаменателями развития стран регионов Ближнего Востока и Сахеля соответственно. И хотя государственные системы Ирака и Мали были ослаблены вооруженными конфликтами с участием структур международного терроризма, именно в этих двух странах отмеченные сепаратистские проблемы в середине – второй половине 2010-х гг. стояли наиболее остро. Поэтому эти государства уместно рассматривать в качестве фокусных кейсов борьбы с угрозой сецессий в ближневосточной и сахельской региональных подсистемах в целом.

Основными методами исследования избраны ивент- и сравнительный анализ. Исследователями, в т. ч. германскими, в основном исследовались или подход ФРГ к возможной утрате территориальной целостности Ираком и Мали [Hanish 2015], или развитие туарегского вопроса, особенно курдской проблемы [Weiss 2018; Yildirim, Gürbey 2018]. Однако во взаимосвязи эти аспекты анализируются редко. Соответственно, данная статья представляет собой попытку восполнить этот пробел.

ФРГ и проблема сохранения территориальной целостности Ирака

Курдский вопрос, решение которого формально означает расширение форм самоорганизации курдов до широкой автономии и независимого государства, является общим знаменателем развития для стран Ближнего и Среднего Востока (Турции, Сирии, Ирака и

Ирана), где курды проживают, при всей несхожести их внешнеполитических курсов по другим вопросам. При этом наиболее отчетливо курдская проблема проявилась к началу 2020-х гг. в случае Ирака, стремящегося преодолеть состояние внутренней фрагментации, достоящее с войны 2003 г.

Во время подготовки и проведения США и группой их партнеров по «коалиции желающих» военной кампании против Ирака (2003 г.) официальный Берлин не только не поддержал данные планы, но пытался противодействовать их осуществлению, используя возможности ООН, МАГАТЭ и «треугольника» Россия – Франция – Германия. Это обстоятельство обеспечило весьма выигрышное для ФРГ имиджевое восприятие со стороны полусамостоятельных частей, де-факто образовавшихся на территории Ирака: населенного преимущественно курдами севера, «суннитского треугольника» (с арабским населением) в центре (новый официальный Багдад) и юга, где значительную часть жителей составляют арабы-шииты. Последние тяготеют к Ирану, и в этой связи значима последовательная линия ФРГ на участие в подготовке и заключении Соглашения о всеобъемлющем плане действий (2015 г.) между «шестеркой»¹ (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германией) и Ираном, а также сохранении этих договоренностей после одностороннего выхода из них администрации Д. Трампа (2018 г.).

Поддерживая достаточно разветвленные политические контакты со всеми частями Ирака, германская сторона оказывала точечную военную помощь официальному Багдаду в де-

ле воссоздания его оборонного потенциала в первое десятилетие после войны (2003 г.). Иными стали объемы поддержки Ирака в условиях успешного наступления «Исламского государства»², уже к июню 2014 г. установившего контроль над большей частью территорий Найнава, Анбар и Салах-эд-Дин [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 4]. Это открывало возможность для полного занятия ИГ территории севера Ирака и его одновременного продвижения на юг – в сторону «суннитского треугольника». Уже 3 декабря 2014 г. в Брюсселе была проведена конференция глав внешнеполитических ведомств 60 государств, включая ФРГ и практически всех ее партнеров по Европейскому союзу, на которой было принято решение о помощи Ираку поставками вооружений и боеприпасов и направлении групп военных инструкторов [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 4]. 17 декабря 2014 г. бундестаг одобрил развертывание военно-тренировочной миссии с «потолком» 100 офицеров и солдат [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 2], которая была изначально сосредоточена в районе г. Эрбиль (с дооснащением и расширением здесь крупной военной базы) – центре иракского Курдистана (нем. Irak-Kurdistan). Следует подчеркнуть, что здесь должны были обучаться и получать новое оснащение (стрелковым оружием, гранатометами и боеприпасами) *одновременно* отряды пешмерга (ополчение иракских курдов) и войска официального Багдада. Тем самым Германия использовала предоставление военной помощи для борьбы с ИГ как инструмент пресечения сецессии, настаивая на взаимозависимости севера

1 ФРГ предпочитает иное прочтение данной формулы: ЕЗ («евротройка» в составе Германии, Великобритании и Франции) + 3 (РФ, США, КНР), тем самым стремясь нивелировать отсутствие постоянного представительства в Совете Безопасности ООН и статуса легальной ядерной державы. – *Прим. авт.*

2 Запрещенная в России террористическая организация. – *Прим. авт.*

Ирака и официального Багдада в рамках единой страны. В правительственных документах первый именовался исключительно через термин «регион», т. е. он воспринимался исключительно как составная часть единой федеративной страны (см., напр.: [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 1–2]). Оказал ли реализуемый ФРГ принцип одновременного предоставления военной помощи иракским курдам и центральному правительству влияние на сохранение единства страны? Ответ на этот вопрос является положительным, однако значимость данного фактора не стоит преувеличивать. Ключевой детерминантой улучшения отношений двух частей Ирака следует признать огромную общую угрозу со стороны «Исламского государства» [Yildirim, Gürbey 2018, S. 35], на фоне которой отмеченный фактор имел вспомогательное значение. Более того, он имел и обратную, резко негативную, сторону.

Показательно, что в мандате бундестага (2014 г.) на первое место был поставлен именно регион иракского Курдистана, а центральное иракское правительство – на второе [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 1–2]. Безусловно, это может быть объяснено тем фактом, что именно пешмерга, а не правительственная армия приняла в тот момент основную нагрузку в борьбе с ИГ. Однако традиционно ФРГ стремилась развернуть военно-тренировочные центры с участием бундесвера на значительном расстоянии от зон активных боевых действий (как это имело место в Афганистане, Ливане, Мали), если существовала подобная возможность (таковой не наблюдалось лишь в Сомали). В реалиях 2014–2015 гг. более разумным с военной точки зрения стало бы размещение учебных лагерей именно в зоне дислокации правительственных иракских войск, т. е. в глубине земель Ирака. Напротив, ФРГ пошла на

первоначальное развертывание своего военного присутствия именно в Эрбиле, т. е. вблизи зоны боевых действий. Руководство иракского Курдистана это решение истолковало как фактическую поддержку курса на обретение независимости [Weiss 2018, S. 21]. Осознание данной крайне опасной тенденции пришло к германскому истеблишменту в полной мере лишь в 2016–2017 гг.

Складыванию данного впечатления у властей в Эрбиле способствовало и параллельное с предоставлением военной помощи многотрековое углубление политических контактов с обеими ключевыми политическими силами: Демократической партией Курдистана (ДПК; нем. PDK) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК, нем. PUK), а также аппаратом президента региона иракского Курдистана М. Базрани. Причем данные контакты устанавливались при активном участии курдской диаспоры в ФРГ [Entschließungsantrag 2017, S. 1–3]. Тем самым германская сторона фактически участвовала в выстраивании периметра сдерживания наступательных планов Анкары в южном и юго-восточном направлениях, т. е. усиление позиций ФРГ на Ближнем Востоке в значительной степени носило недружественный Турции характер. Это стало одним из магистральных факторов глубокого спада взаимного доверия сторон. Так, официальная Анкара ввела запрет на посещение депутатами бундестага контингента бундесвера в составе многонациональной группировки под эгидой НАТО на базе Инджирлик, предназначенного подразделениями разведывательной и транспортной авиации, используемой в интересах II западной антитеррористической коалиции в Ираке. В ответ федеральное правительство, проведя консультации с профильными комитетами бундестага, в июне 2017 г. приняло решение о выводе своих войск из Инджир-

лика с последующей передислокацией их в Иорданию. При этом оказываемое Турцией давление не оказало сколько-нибудь заметного влияния на позицию ФРГ в вопросах военной поддержки курдов на севере Ирака.

Так, в январе 2016 г. бундестаг продлил мандат военно-тренировочной миссии бундесвера, причем «потолок» ее численности увеличился до 150 военнослужащих, а список приоритетов (регион иракского Курдистана и лишь затем центральное иракское правительство) остался неизменным [Antrag der Bundesregierung 18/7207 2016, S. 1–2]. При этом рост количества военных инструкторов был обусловлен открытием еще одного учебного лагеря с участием бундесвера – военной базы Таджи (в одноименном городе в провинции Салах-эд-Дин, в 27 км от Багдада) [Бундесвер приостановил обучение 2019]. Она находилась на территории, полностью подконтрольной центральному иракскому правительству. Германская сторона, демонстративно усиливая свою военную помощь именно официальному Багдаду, посылала иракским курдам «сигнал» о приверженности сохранению единства иракского государства. Однако его «громкость» оказалась очень небольшой – прежде всего из-за того, что большая часть инструкторов (примерно 2/3) продолжали находиться именно в лагере в Эрбиле, который оставался крупнейшим военно-логистическим центром, через который шло одновременное оснащение отрядов пешмерга и войск центрального иракского правительства. Только за 10,5 месяцев (с 15 февраля по конец декабря 2015 г.) военными инструкторами из стран ЕС (прежде всего германскими) было обучено и переподготовлено более 4,8 тыс. бойцов пешмерга и военнослужащих войск центрального иракского правительства [Antrag der Bun-

desregierung 18/7207 2016, S. 5], т. е. эквивалент армейской бригады. В 2016 г. объемы подготовки еще более возросли: учебные центры прошли более 7,2 тыс. военнослужащих (см.: [Antrag der Bundesregierung 2017, S. 5]. Из этого числа на долю пешмерга приходилось не менее 50%, т. е. как минимум 6 тыс. бойцов и командиров. Для понимания практической значимости данной цифры уместно привести суммарные потери пешмерга в 2014–2018 гг.: свыше 2 тыс. убитых и 10 тыс. раненых [Weiss 2018, S. 10].

Расходы на содержание военно-тренировочной миссии составили: в 2015 г. – 30,4 млн евро [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 4], в 2016 г. – 32,0 млн евро [Antrag der Bundesregierung 18/7207 2016, S. 4]. Кроме того, в район Эрбиля только к началу 2016 г. было доставлено 1 800 т военных грузов: амуниции, стрелкового оружия и гранатометов (в т. ч. противотанковых), боеприпасов к ним [Antrag der Bundesregierung 18/7207 2016, S. 5]. Соответственно, следует признать существенным практический вклад ФРГ в укрепление сил безопасности региона иракского Курдистана.

Чем объяснялось преобладание объемов именно его поддержки, а не центрального иракского правительства в 2016 г.? Во-первых, сохранением большей значимости в деле отражения ударов ИГ [Weiss 2018, S. 21]. Наличие внешней военной помощи позволило пешмерга и правительственным иракским войскам в ноябре-декабре 2015 г. перейти в контрнаступление. Так, переобученные и частично вооруженные ФРГ военизированные отряды курдов сыграли ключевую роль во взятии г. Синджар в провинции Найнава, что рассматривалось в ФРГ в качестве точки перелома в боевых действиях. Во-вторых, стремлением обеспечить свое долгосрочное военное

присутствие на севере Ирака – регионе, имеющем исключительно выгодное геополитическое положение (с учетом борьбы с ИГ и выстраивания пояса «сдерживания» Турции) и геоэкономическое (принимая во внимание углеводородные запасы, особенно в районе Киркука, и отлаженную систему их экспорта) [Yildirim, Gürbey 2018, S. 37–40]. В-третьих, по всей видимости, у руководства ФРГ существовала уверенность, что оно может трансформировать свою военную помощь и продвинутое взаимодействие с властями в Эрбиле в политическое влияние, достаточное для сдерживания сепаратистских устремлений иракского Курдистана.

Иллюзорность данных ожиданий со всей отчетливостью проявилась во время поездки в регион министра иностранных дел ФРГ З. Габриеля в апреле 2017 г. Его визит происходил на фоне начавшихся боев за второй по значимости (в т. ч. по довоенной численности населения) город в Ираке – Мосул. Несмотря на высокий уровень боеспособности пешмерга, чем у правительственных иракских войск, именно им была отведена ключевая роль в штурме (с 24 марта 2016 г. по 10 июля 2017 г.). На упомянутом решении, имевшем политическую подоплеку, настаивали западные державы, оказывающие помощь в борьбе с ИГ, прежде всего США, а также ФРГ (см.: [Иванов 2016]). Они не могли допустить перехода такого важного центра, как Мосул, под контроль курдских формирований после освобождения от ИГ. Подобный сценарий стимулировал бы движение властей в Эрбиле к сепаратизму, до минимума сократив возможности влияния на них со стороны официального Багдада. С учетом этого подхода была выстроена переговорная позиция З. Габриеля в апреле 2017 г. С одной стороны, он подчеркнул исключительную роль пешмерга

в борьбе с ИГ, что являлось фактором обеспечения безопасности самой Германии [Weiss 2018, S. 21], и тем самым обосновал особую военную поддержку именно курдов. С другой стороны, глава МИД ФРГ отметил, что возможное проведение референдума по вопросу о независимости региона иракского Курдистана будет являться серьезной ошибкой [Weiss 2018, S. 21].

Однако эта позиция де-факто не была услышана руководством в Эрбиле. 7 июня 2017 г. представители 15 партий и движений иракского Курдистана приняли коллективное решение о проведении референдума о независимости, назначенного на 25 сентября 2017 г. [Weiss 2018, S. 18–19]. Момент начала открытого движения к сепаратизму симптоматичен – это время окончания боев за Мосул (завершились 10 июля 2017 г.), когда стало полностью ясно, что город останется в юрисдикции центрального иракского правительства (см.: [Yildirim, Gürbey 2018, S. 35]). Столь жесткая негативная реакция на этот факт показывала, сколь далеко зашли устремления властей в Эрбиле по расширению своей зоны влияния в формально едином Ираке, в т. ч. в связи с двойственным характером военной помощи, оказываемой ему ФРГ. В контексте подготовки референдума ее власти были обвинены оппозицией в грубых внешнеполитических ошибках, заключавшихся в поддержке «коррупцированного курдского правительства» [Entschließungsantrag 2017, S. 1–3]. Стремясь снизить градус критики властей, германские аналитики из SWP фокусировали внимание на росте национального самосознания курдов из различных стран Ближнего Востока (прежде всего Сирии и Ирака) в условиях тяжелой борьбы с ИГ, по сути носившей характер боев за физическое выживание, ставших осознавать и позиционировать себя в качестве частей

единой общности [Yilmaz 2018, S. 52–53; Weiss 2018, S. 18–20]. Однако этот фактор отнюдь не оттеняет тех двойственных по политической направленности мер ФРГ в 2014-м – начале 2017 г., которые де-факто не только не предупреждали, но, наоборот содействовали укреплению стремления региона иракского Курдистана к сецессии. Это произошло не только из-за переоценки собственных возможностей влияния, но и по причине неправильной трактовки характера улучшения отношений между властями в Эрбиле и Багдаде в 2014–2016 гг.: это было тактическое сближение, обусловленное общей угрозой со стороны ИГ, а отнюдь не стратегическое, в налаживании которого ФРГ неудачно пыталась играть роль одного из координаторов.

Особенно чувствительными для официального Берлина были те международно-правовые прецеденты, которые использовались для обоснования необходимости проведения референдума: прежде всего, это аналогичный выход Черногории из состава Сербии в 2006 г. [Weiss 2018, S. 20]. Де-факто тем самым произошло обращение к процессу сецессии Югославии, в ходе которого Германия, как и страны «коллективного» Запада в целом, последовательно поддерживала курс на образование новых государств (прежде всего Хорватии и Словении, а также Боснии и Герцеговины), а также государственных образований (Косово). Официальный Берлин традиционно подчеркивал, что «косовский случай» является особым и не может рассматриваться в качестве прецедента; однако, как показывал опыт аргументации властей иракского Курдистана, работу данного «правила» было сложно обеспечивать даже в случае ряда дружественных ФРГ территорий и стран.

25 сентября 2017 г. в регионе иракского Курдистана был проведен рефе-

рендум: при явке 72% (почти 2,0 млн избирателей) в поддержку независимости высказались 92,7%, т. е. подавляющее большинство [Weiss 2018, S. 24]. Официальный Багдад осудил проведение референдума, получив поддержку самого широкого круга международных игроков: Турции, Ирана, России, стран Запада, в т. ч. США и ФРГ. В данной связи следует подчеркнуть регулярную «сверку часов» двумя этими западными державами на иракском направлении в целом и по курдскому вопросу в частности. Белый дом, как и официальный Берлин, оказывая разностороннюю помощь иракским курдам, резко негативно отреагировал на сам факт проведения референдума, настаивая на сохранении территориальной целостности Ирака.

Примечательно, что проведение референдума на севере Ирака практически совпало с выборами в бундестаг (22 сентября 2017 г.), продемонстрировавшими снижение электоральной поддержки образующих правительство «большой коалиции» блока ХДС/ХСС и СДПГ в пользу лево- и (особенно) правофланговых партий (прежде всего «Альтернативы для Германии»). В этой ситуации власти ФРГ оказались между Харибдой жесткой критики оппозиции [Entschließungsantrag 2017, S. 1–3], отсутствие ответа на которую было чревато дальнейшим ослаблением внутривластных позиций, и негативного восприятия референдума ведущими международными игроками, и Сциллой желания не подорвать основы отношений с властями в Эрбиле. Выход был найден в практической полном обнулении объемов поставляемых пешмерга предметов военного снабжения (см.: [Weiss, 2018, S. 21]) при одновременном продолжении их обучения, обоснованием чему выступало продолжение борьбы с ИГ. В этой связи при пролонгации бундестагом

мандата бундесвера в Ираке примечательны два момента. Первый: в документе подчеркивалось стремление ФРГ оказывать военную помощь центральному иракскому правительству, при этом вообще не упоминался регион иракского Курдистана (см.: [Antrag der Bundesregierung 2018, S. 1–4]). Второй аспект: военно-тренировочная миссия бундесвера передавалась в подчинение II западной антитеррористической коалиции, созданной партнерами Германии во главе с США, Великобританией и Францией [Antrag der Bundesregierung 2018, S. 1–2]. Здесь следует подчеркнуть, что, демонстрируя стремление к стратегической автономии от Соединенных Штатов, Германия не шла на этот шаг, хотя в декабре 2015 г. и присоединилась к деятельности II западной коалиции (с фокусированием на сотрудничестве с Францией). О чем свидетельствовали эти изменения? Официальный Берлин посылал мощный «сигнал» о безусловной приверженности сохранению территориальной целостности Ирака, т. е. недопущению сецессии. По данному пункту ФРГ выражала полную солидарность с партнерами по II западной коалиции, действующей на иракском (прежде всего) и сирийском ТВД. В целом в конце 2010-х гг. на иракском направлении стал наблюдаться рост объемов сотрудничества Германии и Соединенных Штатов Америки. Неприятие официальным Берлином идеи создания независимого Курдистана привело к частичному улучшению германо-турецкого диалога, что, в частности, выявилось в ходе учреждения нового переговорного формата 27 октября 2018 г. в Анкаре с участием принимающей стороны, германо-французского тандема и России для активизации поиска путей компромиссного урегулирования «сирийского вопроса».

Международное давление, оказанное на власти в Эрбиле, дало свои результаты. Еще перед референдумом президент региона иракского Курдистана М. Базрани заявлял, что положительный результат голосования отнюдь не будет означать автоматический выход из состава Ирака. Практически сразу после 25 сентября 2017 г. власти в Эрбиле выступили за развитие конструктивного диалога с официальным Багдадом. М. Базрани подчеркивал, что руководство иракского Курдистана не пойдет по «каталонскому пути», т. е. не попытается немедленно провозгласить независимость [Weiss, 2018, S. 19, 23]. Показательно также, что в октябре 2017 г. отряды пешмерга без боя покинули район Киркука (несмотря на его исключительное значение с точки зрения добычи углеводородов) [Yildirim, Gürbey 2018, S. 37–38], занятый правительственными иракскими войсками [Yilmaz 2018, S. 48]. Очевидно, что лидеры курдов осознавали, что вступление с ними в бой приведет к немедленному полному прекращению военной помощи со стороны стран Запада. С очень высокой долей вероятности «сигнал» об этом был послан и ФРГ, имевшей разветвленные каналы политической коммуникации с представителями иракских курдов.

В разветвлянии военного присутствия официального Багдада в районе Киркука в октябре 2017 г., ставшего символом сохранения единства страны, приняли участие и военизированные формирования с населенного преимущественно шиитами юга Ирака, поддерживаемого Ираном [Weiss 2018, S. 23]. Совпадение позиций официальных Берлина и Тегерана не только по сохранению территориальной целостности, но и углублению федерализации Ирака (в т. ч. в интересах шиитов на юге, что было особенно важно для ИРИ) создает важную точку соприкос-

новения в их постепенно набирающем оборот двустороннем взаимодействии в целом.

С конца 2017 г. линия ФРГ в отношении властей региона иракского Курдистана оказалась ужесточена, однако контакты – как общеполитические, так и военные (через инструкторов бундесвера) – продолжали развиваться, причем последние продолжали находиться не только на базе в Тадже, но и Эрбиле. Они были экстренно эвакуированы из обоих лагерей 15 мая 2019 г. (без формального обнуления мандата бундестага). Де-юре причиной для этого стало новое усиление потенциала ИГ в Ираке [Бундесвер приостановил обучение 2019], в реальности же как минимум сопоставимое значение имел другой фактор – стремление Германии избежать втягивания в возможное военное противостояние США и ИРИ, одним из ключевых театров которого стал Ирак. Это подтвердилось, в частности, убийством на территории последнего генерала К. Сулеймани 3 января 2020 г. и последующим точечным силовым ответом Ирана. В условиях «разрядки» напряженности в отношениях ИРИ и США Германия в январе 2020 г. пошла на восстановление своего военного присутствия в Ираке, в т. ч. в северной части страны [Bundeswehr Wieder 2020]. С учетом необходимости борьбы с ИГ и одновременно стремления сохранить отношения с властями в Эрбиле вероятно рост объемов военной помощи, направляемой ФРГ в данный регион. Де-факто это следует признать реализацией внешней поддержки формулы федерализации Ирака. При этом, с учетом опыта ситуации 2017 г., развитие военного сотрудничества будет жестко увязываться с недопущением сецессии иракского Курдистана, причем скорость и масштаб возможной негативной реакции официального Берлина будут больше, чем в 2017–2018 гг.

Германия и процесс федерализации Мали

Туарегский вопрос, т. е. стремление этой народности к увеличению собственного политического веса, является как минимум с 1970-х гг. значимой внутривнутриполитической проблемой для ряда государств Африки, где они проживают: Алжира, Мали, Нигера, Буркина-Фасо и отчасти Ливии. При этом особое прочтение туарегская проблема получила в случае Мали с 2012 г. Обрушение вертикали государственной власти в Ливии (2011 г.), произошедшее вследствие силового вмешательства группы стран – участниц НАТО во главе с Францией и Великобританией в ход вооруженного конфликта в данной африканской стране, одной из своих производных имело обострение туарегского вопроса. Военнослужащие-туареги, ранее служившие в армии М. Каддафи, со своим оружием и транспортом переместились в северные районы Мали, став «ядром» мощного антиправительственного восстания (с января 2012 г.). Туарегские сепаратисты смогли добиться крупных успехов: в марте-апреле 2012 г. они установили контроль над провинциями Гао, Кидаль и Томбукту, включая их одноименные административные центры, – возникла угроза столице Мали. Дополнительной сложностью борьбы с возможностью сецессии стал военный переворот 22 марта 2016 г., в результате которого от власти был отстранен президент А.Т. Туре. На этом фоне 6 апреля 2012 г. туареги объявили о создании самопровозглашенного государства Азавад, не получившего международного признания. Как и в случае других вооруженных конфликтов (в большинстве своем являвшихся гражданскими войнами или имевших черты таковых) на Ближнем Востоке и Африке севернее экватора в 2000–2010-е гг., в Мали наблюда-

лась стремительная радикализация антиправительственных сил. Во второй половине 2012 г. на территории Азавада ключевое влияние приобрели группировки «Ансар Ад-Дин» (в состав которой вошла значительная часть радикальных туарегов) и «Аль-Каида в Магрибе», а «умеренные» туареги были оттеснены от власти. Дальнейшее превращение Мали в огромный «рассадник» международного терроризма было остановлено в результате военно-силовой операции Франции «Сервал» (12 января 2013 г. – июль 2014 г.), проводимой при поддержке военно-тренировочной (ЕС) и миротворческой (АС, затем ООН) миссий.

Направив военные контингенты в их состав, ФРГ параллельно стала наращивать политико-дипломатические усилия по урегулированию туарегского вопроса. Официальный Берлин продемонстрировал полное неприятие идеи создания Азавада, подчеркивая, что движение по пути образования самопровозглашенного туарегского государства подорвет весьма хрупкую внутреннюю безопасность не только Мали, но и стран «сахельской пятерки» (Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад; Sahel G5) в целом. Однако это отнюдь не означало игнорирования туарегского вопроса – напротив, ФРГ выступала за его максимальное полное решение посредством предоставления туарегам широкой административной и культурно-языковой автономии, т. е. федерализации государств со значительным представительством данной народности. «Полигоном» для реализации этой схемы должно было стать именно Мали (см.: [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 1, 4–8]), а в случае положительного результата этот опыт мог быть экстраполирован и на другие государства Sahel G5 (прежде всего Нигер и Буркина-Фасо) и Африки в целом. В данном случае Германия выполняла

роль источника привития демократических ценностей и институтов (в данном случае с фокусом на принцип федерализма) и одновременно внешнего гаранта безопасности Мали и стран Сахеля в целом на долгосрочную перспективу. В упомянутой связи следует подчеркнуть три важных преимущества, в т. ч. имиджевого характера, которые Германия стала использовать, приступая к решению туарегского вопроса. Во-первых, в отличие от остальных держав НАТО, включая Францию, ФРГ не участвовала в военно-силовой операции Альянса в Ливии (2011 г.), а следовательно, и не несла прямой ответственности за обрушение вертикали в этой стране, сопровождаемое физическим устранением ее экс-лидера (М. Каддафи), что было особенно чувствительно для глав государств в Африке. Во-вторых, Германия не имела колониального прошлого применительно к странам Африки, расположенным севернее экватора. При этом еще с эпохи биполярного миропорядка она развивала торгово-экономические связи с государствами континента, вступавшими в постколониальную фазу своего развития, в т. ч. активно предоставляла им официальную помощь для развития. И, в-третьих, при этом ФРГ не просто географически сфокусировала свое влияние на зоне традиционного влияния официального Парижа в Северной и, особенно, Западной Африке, но активно использовала возможности Франции для укрепления своих стратегических позиций здесь.

Так, МИД двух держав тесно координировали свои усилия для налаживания межмалийского диалога на территории сопредельного Алжира. Германия стала одним из координаторов и посредников в деле организации и проведения переговоров между официальным Бамако и лидерами «умеренных» туарегов. Их активная фаза стартова-

ла еще в мае 2014 г., чему способствовало избрание и вступление в должность в сентябре 2013 г. президента И.-Б. Кейты. Это воспринималось в качестве символа постепенной нормализации функционирования системы государственной власти в Мали. Вместе с тем власть И.-Б. Кейты была в тот момент легитимной лишь отчасти, т. к. в выборах не участвовало население северных, населенных также и туарегами, провинций страны (Гао, Кидаль и Томбукту). Переговорный процесс в Алжире завершился подписанием договоренностей между официальным Бамако и силами «умеренных» туарегов, в т. ч. «Верховным советом за единство Азавада» и «Арабским движением за Азавад» 15 мая и 20 июня 2015 г. [Antrag der Bundesregierung 18/8090 2016, S. 5–6]. Наличие сразу двух дат подписания договоренностей, весьма близких по содержанию, объяснялось значительной фрагментированностью политических сил «умеренных» туарегов. С одной стороны, это усложняло ведение переговоров, требуя поиска компромиссных тактических решений для каждой группировки по отдельности; с другой, облегчало, поскольку предопределяло низкую вероятность новой консолидации туарегов вокруг идеи Азавада.

Каковы итоги переговоров? Стороны достигли консенсуса в отказе от создания независимого туарегского государства и, соответственно, необходимости сохранения территориальной целостности Мали в обмен на его федерализацию. Северным провинциям предоставлялась широкая административно-хозяйственная и культурно-языковая автономия, в т. ч. свободная возможность для «умеренных» туарегов выдвигаться кандидатами и избираться на муниципальных выборах. Вслед за разоружением комбатантов (туарегов-сепаратистов) должен был на-

чаться процесс их интеграции в ряды правительственных малийских войск, включая возможность занятия унтер-офицерских и офицерских должностей [Antrag der Bundesregierung 18/8090 2016, S. 5–6]. При этом планировалось переходить к смешанному принципу комплектования мелких подразделений (на уровне «отделение – взвод»), т. е. включения в их состав представителей различных народностей: бамбара, фульбе, сенуфо, сонгаи и самих туарегов. Это должно было стать военным выражением реализации принципа федерализма.

В процессе реинтеграции северомалийских провинций в состав Мали особое внимание обращалось на обеспечение в них мира и безопасности. Параллельно с правительственными войсками (постепенно проходящими переподготовку под руководством военных инструкторов миссии EUTM Mali с ролью ФРГ как «рамочной нации») эти задачи должны были решать силы миротворческой миссии ООН MINUSMA. Соответственно, с 2016 г. германская сторона пошла на реализацию двух тесно связанных мер: расширения зоны ответственности своего контингента в составе MINUSMA на северные провинции [Hanish 2015] (изначально Гао и Кидаль, а с 2018 г. и Томбукту) и параллельного резкого увеличения численности контингента: его «потолок» увеличился со 150 (в 2013–2015 гг.) до 650 военнослужащих в 2016 г. [Antrag der Bundesregierung 18/7206 2016, S. 2], 1 000 военнослужащих в 2018 г. и 1 100 военнослужащих в 2019 г. [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 2–3]. Это сопровождалось активным включением германских военных непосредственно в реализацию мер по обеспечению мира и безопасности в северомалийских провинциях. Прежде всего, они включали мониторинг ситуации посредством как объезда территорий патрулями MINUSMA, представ-

ленными подразделениями механизированной пехоты, так и разведки – в основном с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) армейской авиации. При выполнении второго типа задач ФРГ, развернув группировку БПЛА на базе «Лагерь Кастро» в Гао, приняла с 2018 г. на себя функции «рабочей нации» [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 6–10]. Кроме того, германские военные активно участвовали в разоружении туарегских комбатантов и одновременно в охране вновь отстраиваемых значимых социально-экономических объектов (прежде всего больниц и школ), тем самым содействуя эффективному использованию официальной помощи развитию, в т. ч. активно предоставляемой ФРГ [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 6–10]. На всех данных треках германские войска тесно координировали свои усилия с французскими военными, задействованными в операции «Бархан» с целью обеспечения мира и безопасности в странах «сахельской пятерки» в целом (см.: [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 6–12]). Следует подчеркнуть, что сотрудничество Германии и Франции в Мали и Западной Африке в целом носило ярко выраженный симбиотический характер: для официального Парижа ФРГ представлялась выгодным партнером для сохранения своих позиций на африканском континенте в условиях нехватки различных ресурсов, в т. ч. военных. Германская же сторона свое стратегическое проникновение в Африку осуществляла прежде всего посредством укрепления позиций в странах континента, относившихся к традиционной французской зоне интересов, активно используя возможности партнера для создания своего политико-военного присутствия. Этому способствовало и полное согласие двух держав в принципиальных вопросах решения туарегского вопроса.

Особо следует отметить вклад германских военных в составе MINUSMA в обеспечение безопасного проведения выборов, проводившихся в северо-малийских провинциях: муниципальных (ноябрь 2017 г.) и президентских (проводились в два этапа – 29 июля и 12 августа 2018 г., победу одержал действующий президент И.-Б. Кейта) [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 4–7]. Проведение первых из них позволило создать уже не переходные, а постоянные власти на местах, причем с участием «умеренных» туарегов. Успешное проведение вторых позволило легитимизировать власть вновь избранного главы государства в Мали, впервые после восстания туарегов проведя электоральные мероприятия практически на всей территории страны. Оба вида выборов продемонстрировали начавшуюся успешную имплементацию договоренностей 15 мая и 20 июня 2015 г., т. е. запуск создания единого федеративного малийского государства. Неотъемлемой частью этого процесса являлось обеспечение безопасности населения на всей территории страны, особенно в северных провинциях. Следует подчеркнуть, что реализация всего цикла данных мероприятий осуществлялась силами MINUSMA в кооперации с правительственными малийскими войсками. Их поэтапное обучение и переподготовка продолжали осуществляться военно-тренировочной миссией EUTM Mali, до 50 % инструкторов которой составляли германские офицеры и солдаты. Вновь подготовленные части управлялись в первую очередь именно в провинции Гао, Кидаль и Томбукту (см.: [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 6–8]).

С одной стороны, к началу 2020-х гг. в деле федерализации Мали были достигнуты определенные успехи. С другой, еще не пройдена «точка невозврата» ни в этом процессе, ни в урегули-

ровании вооруженного конфликта в стране в целом. Правительственные малийские войска не в состоянии самостоятельно, т. е. без поддержки международных миссий, обеспечивать мир и порядок в государстве – ни по качественным параметрам, ни по количественным [Сидоров 2018, с. 124–128]. Во взаимоотношениях центральных и коммунальных властей (в северных провинциях) еще остается много «проблемных узлов», в т. ч. из-за незавершенности передачи оговоренных административно-хозяйственных функций на места. Косвенным показателем сохраняющейся взаимной внутренней настороженности сторон соглашений 15 мая и 20 июня 2015 г. являются крайне медленные темпы интеграции бывших туарегов-комбатантов в малийские правительственные войска и в целом небольшой удельный процент в них выходцев из северных провинций (см.: [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 8–12]).

На этом фоне 1–3 мая 2019 г. А. Меркель совершила турне по части стран Sahel G5: Буркина-Фасо, Мали и Нигеру. В самом Мали канцлер демонстративно посетила не Бамако, но Гао, прибыв в распоряжение бундесвера в «Лагере Кастро» [Kanzlerin Merkel in Westafrika 2019]. С точки зрения автора, этим шагом германское руководство посылало три «сигнала». Во-первых, властям Мали – о неудовлетворенности эффективностью их действий, в т. ч. использованием внешней помощи (включая и военную) в деле федерализации страны и урегулирования в целом. Во-вторых, туарегам – о безусловной приверженности сохранения единого малийского государства. Наконец, в-третьих, обеим сторонам договоренностей 2015 г. – о твердом сохранении своей готовности обеспечивать долгосрочную поддержку, включая предоставление разносторонней военной

помощи, процессу превращения Мали в федерацию. Де-факто ФРГ приняла на себя роль гаранта этого процесса. Его непростое, но все же поступательное развитие выступает «сильным аргументом» переговорной позиции Германии с Буркина-Фасо и Нигером, что продемонстрировало «сахельское турне» А. Меркель (см.: [Kanzlerin Merkel in Westafrika 2019]). Передавая нарабатанный опыт туарегского вопроса через федерализацию, ФРГ постепенно укрепляет свои позиции, органично встраивается в обеспечение системы сахельской региональной подсистемы в качестве значимого внешнего игрока.

* * *

Подход ФРГ к решению двух вопросов, курдского и туарегского, функционально весьма похожих друг на друга, имел единый знаменатель. Это предоставление данным народам широкой автономии в увязке с противлением создания ими собственного государства, что де-факто рассматривалось как фактор длительного подрыва региональной (Ближний Восток и Сахель) стабильности. В обоих случаях Германия включалась в процесс поддержки федерализации в государствах (Ирак и Мали), проходящих через стадию острого вооруженного конфликта с участием структур международного терроризма. Соответственно, сама федерализация рассматривалась в качестве «оси» процесса урегулирования в целом. Показательно, что в обоих случаях Германия в единой связи с использованием политико-дипломатического инструментария самым активным образом применяла военный, притом исключительно в небоевых формах.

Каковы отличия тактик ФРГ? В случае Ирака Германия подключилась к процессу федерализации в условиях уже длительных (де-юре с 2005 г.) попыток ее осуществления; напротив, в

Мали ФРГ стала участвовать в них с самого начала – с переговорного процесса в Алжире в 2014–2015 гг. На иракском направлении ФРГ первоначально (до 2017 г.) оказывала существенную большую поддержку властям в Эрбиле, чем официально Багдаду. К развороту на 180 градусов (в реальности на 120–150 градусов) в определении основного фокусного партнера привел фактор проведения референдума 25 сентября 2017 г. Напротив, на малийском направлении до 2017–2018 гг. безусловным ключевым контрагентом выступал официальный Бамако. Это объяснялось попыткой создания самопровозглашенного государства Азавад (в 2012–2013 гг.), до недопущения рецидива которой отношения Германии и туарегов складывались весьма проблематично. Решение этой задачи способствовало наращиванию объемов контактов ФРГ и «умеренных» туарегов, в т. ч. в ущерб развитию контактов с официальным Бамако.

В обоих случаях Германия демонстрирует заинтересованность и готовность продолжать играть роль внешнего гаранта процессов федерализации с возможностью передачи данного опыта другим государствам Ближнего Востока и Сахеля как формулы обеспечения сохранения их территориальной целостности.

Список литературы

- Бундесвер приостановил обучение военных в Ираке (2019) // Deutsche Welle. 15 мая 2019 // <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BB-%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%87-%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%BD%D0%BD%D1%8B-%D1%85-%D0%B2-%D0%B8-%D1%80%D0%B0%D0%BA-%D0%B5/a-48746267>, дата обращения 25.08.2020.
- Иванов П. (2016) Битва за цитадели // Военно-промышленный курьер. 31 октября 2016 // <http://www.vpk-news.ru/articles/33314>, дата обращения 25.08.2020.
- Сидоров А.С. (2018) Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 116–137 // <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-v-sahele-tekuschie-problemy-i-vozhnoe-razvitie-voennogo-konflikta/viewer>, дата обращения 25.08.2020.
- Antrag der Bundesregierung. Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2014) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3561, 17.12.
- Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter Deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks (2018) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deut-

scher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung Deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207, 06.01.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung Deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2017) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10820, 11.01.

Bundeswehr Wieder im Nordirak Aktiv (2020) // Deutsche Welle, Januar 26, 2020 // <https://www.dw.com/de/bundeswehrwieder-im-nordirak-aktiv/a-52153031>, дата обращения 11.03.2020.

Entschließungsantrag der Abgeordneten H. Hänsel, S. Dagdelen, M. Brandt, Ch. Buchholz, Dr. Gregor Gysi, M. Höhn, A. Hunko, St. Liebich, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, Th. Nord, T. Pflüger, E.-M. E. Schreiber, A. Ulrich, K. Vogler und der Fraktion DIE LINKE zu der Beratung des Antrags der Bundesregierung – Drucksachen 19/25, 19/178 – Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte

der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2017) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/223. 11.12.

Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. No. 8.

Kanzlerin Merkel in Westafrika (2019) // Die Bundesregierung, Mai 2, 2019 // <https://www.bundesregierung.de/bregde/mediathek/kanzlerin-merkel-in-westafrika-1604684>, дата обращения 25.08.2020.

Weiss M. (2018) Rückschlag auf dem Weg zur Selbständigkeit – Kurdistan-Irak vor und nach dem Unabhängigkeitsreferendum // Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates" (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 9–27.

Yildirim C., Gürbey G. (2018) Das Energiepolitische Potential Irakisch-Kurdistan // Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates" (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 28–45.

Yilmaz A. (2018) Gegeneinander, miteinander: Die KDP and die PKK in Sindshar // Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates" (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 46–57.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-10

German Approach towards the Struggle against Separatism in Fragile States of the Middle East and Africa: the Cases of Iraq and Mali

Philipp O. TRUNOV

PhD in Politics, Senior Researcher, Department of Europe and America, Center of Global and Regional Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Krzizhanovskogo St., 15, bldg 2, Moscow, Russian Federation

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2020) German Approach towards the Struggle against Separatism in Fragile States of the Middle East and Africa: the Cases of Iraq and Mali. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 211–229 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-10

Received: 16.03.2020.

ABSTRACT. *In the modern world the development of armed conflict leads to chaoticization of the world order at all its levels. One of the manifestations of this threat is the strengthening of separatism, including the secession as its extreme form. Political practice shows that the secession the factor of long-term undermining of regional security. An alternative to secession is the federalization of the fragile states that is an effective measure for struggle against separatism and the resolution of the armed conflicts based on compromise. The article underlines that in the majority cases the federalization in fragile states could be realized only with active participation of external actors. In this regard the article explores German experience in the support of federalization in Iraq and Mali in the middle – second half of the 2010-s. These two countries are selected as cases of the Near East and Sahel regional systems. The sci-*

entific paper focuses on the usage by Germany of political-diplomatic and military tools. The article explores the evolution of the relations of Germany with the guide in Erbil (Iraqi Kurdistan) and Bagdad before and after the referendum on the question of Iraqi Kurdistan independence, 2017, September 25. In this regard the author shows the changing of German military assistance as an indicator of FRG's approach to the Iraqi Kurdistan problem. The paper investigates German approach towards the «Tuaregs' question», the features of usage by Germany of diplomatic and military tools for the federalization of Mali. In the conclusion the author compares FRG's tactics of the struggle towards the separatism in Iraq and Mali.

KEY WORDS: *Germany, separatism, secession, federalization, Iraq, “Kurdish question”, Mali, “Tuaregs' question”*

References

Antrag der Bundesregierung. Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2014). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3561, 17.12.

Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter Deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks (2018). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Militärmision der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung Deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207, 06.01.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung Deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte

(2017). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10820, 11.01.

Bundeswehr Wieder im Nordirak Aktiv (2020). *Deutsche Welle*, Januar 26, 2020. Available at: <https://www.dw.com/de/bundeswehr-wieder-im-nordirak-aktiv/a-52153031>, accessed 11.03.2020.

Entschließungsantrag der Abgeordneten H. Hänsel, S. Dagdelen, M. Brandt, Ch. Buchholz, Dr. Gregor Gysi, M. Höhn, A. Hunke, St. Liebich, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, Th. Nord, T. Pflüger, E.-M. E. Schreiber, A. Ulrich, K. Vogler und der Fraktion DIE LINKE zu der Beratung des Antrags der Bundesregierung – Drucksachen 19/25, 19/178 – Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2017). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/223, 11.12.

Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik*. Security Policy Working Paper. No. 8.

Ivanov P. (2016) The Battle for Citadels. *Military-industrial Courier*, October 31, 2016. Available at: <http://www.vpk-news.ru/articles/33314>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Kanzlerin Merkel in Westafrika (2019). *Die Bundesregierung*, Mai 2, 2019. Available at: <https://www.bundesregierung.de/bregde/mediathek/kanzlerin-merkel-in-westafrika-1604684>, accessed 25.08.2020.

Sidorov A.S. (2018) France in Sahel: Current Problems and Possible Development of the Armed Conflict. *Urgent Problems of Europe*, no 4, pp. 116–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-v-sahele-tekuschie-problemy-i-vozmozhnoe-razvitie-voennogo-konflikta/viewer>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

The Bundeswehr Has Stopped the Training of Troops in Iraq. *Deutsche Welle*, May 15, 2019. Available at:

<https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BB-%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B2-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B5/a-48746267>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Weiss M. (2018) Rückschlag auf dem Weg zur Selbständigkeit – Kurdistan-Irak vor und nach dem Unabhängigkeitsreferendum. *Die Kurden im Irak and in Sy-*

rien nach dem Ende der Territorialherrschaft des “Islamischen Staates” (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 9–27.

Yildirim C., Gürbey G. (2018) Das Energiepolitische Potential Irakisch-Kurdistan. *Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des “Islamischen Staates”* (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 28–45.

Yilmaz A. (2018) Gegeneinander, miteinander: Die KDP and die PKK in Sindh. *Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des “Islamischen Staates”* (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 46–57.